

И все-таки руки опускать не надо

— Олег Васильевич, вы — потомственный дворянин, что, согласитесь, звучит несколько непривычно. Вы прошли все этапы ГУЛАГА, вернувшись к вольной жизни лишь через три десятилетия. Сейчас как будто восстанавливается историческая справедливость — потомки дворян не боятся своего сословного происхождения, а гордятся им и даже образуют свои союзы. Как вы, ровесник века, человек, помнящий еще дореволюционную Россию, относитесь к этим новым веяниям: возродить дворянство, дворянские союзы?

— Я рад открывшейся возможности объединения потомков уцелевших дворянских родов: в этом я вижу некую попытку извинения перед уничтоженным сословием. Но отношусь я к этому начинанию несколько скептически. Когда оно возникло, я сразу спросил: сколько душ крестьян мне пожалуют, чтобы было чем поддержать мое дворянство? Не безнадежное ли дело — пытаться оживить отжившее? Сомневаюсь, что горстка потомков распотанного, оболганного, упраздненного сословия смогла бы реально влиять на рвущиеся к возрождению души. Я не вижу пользы, какую могло бы принести такое одностороннее обращение к прошлому... Теперь, когда мы отошли от огульного охавания института дворянских привилегий, возможно было бы возрождение некоторых связанных с ними черт — вроде кодекса чести, верности своей стране и своему народу, рыцарских представлений о защите слабых, к совестливому и бескорыстному служению высоким идеалам нравственности и правды.

Если оглянуться назад, на начало нынешнего века и последнее десятилетие девятнадцатого, нельзя не видеть, что дворянская культура утратила свое лидерство, и на патристическом поприще российских наук и искусств выдвинулись представители «третьего сословия» — купцы и промышленники. Это они подхватили эстафету, прежде безраздельно несомую дворянами: Морозовы и Рябушинские, Третьяковы и Мамонтовы стали меценатами, поощрявшими отечественные музы. Так что нельзя не причислить их к плеяде русских деятелей, вознесших нашу литературу, живопись, театр и прочие искусства во главу прогресса.

Не соглашусь со счетов и русских земских деятелей из разночинцев, столько сделавших для расширения — а то и создания! — сельской школьной сети, внедрения науки в земледелие, учреждения крестьянского банка и т. д. Было бы несправедливо ныне отождествлять прогресс России после реформ Александра II исключительно с деятельностью дворянства. Вот почему я считаю, что пришло время популяризировать, распространять и изучать опыт земств и городских управ — в них бок о бок работали как переживающие свой расцвет промышленники и коммерсанты, так и несколько захиревшие, но кровно спаянные с сельской Россией представители дворянского землевладения. Рамки «дворянского собрания» надлежит раздвинуть с тем, чтобы обратиться к обществу друзей дореволюционной интеллигенции России.

— Мне бы хотелось вернуться к вашему роду. В нем, насколько я знаю, известные люди — морские офицеры, адмиралы? Не было ли у вас желания продолжить семейную традицию и пойти на флот?

— Известные мои предки — со стороны матери. Это Лазаревы, давшие российскому флоту семь адмиралов. Отец мой скромного происхождения, осиротел в детском возрасте, рос и воспитывался в Вышнем Волочке и Торжке — захолустных городках Тверской губернии, захолустных по тогдашним меркам...

Особенно отличился мой прадед — Михаил Петрович Лазарев, путешественник, флотоводец. Он участвовал в нескольких кругосветных плаваниях, командовал шлюпом «Мирный» в экспедиции Ф. Беллинсгаузена, которая первой побывала у берегов Антарктиды, открыв множество островов. За участие в Наваринском сражении 1827 года против турецко-египетского флота Лазарев был произведен в контр-адмиралы, а «Азов», которым он командовал, получил право нести на корме Георгиевский флаг.

Добрую славу оставил после себя Михаил Петрович и когда был командующим Черноморским флотом, военным губернатором Севастополя и Николаева. Его именем названы море и ледник в Антарктиде, атолл и группа островов Россия в Тихом океане, и мыс в Амурском лимане, а также бухта, порт, остров. Последний адмирал Лазарев, Андрей Максимович, — двоюродный брат моей матери. Он начал службу на Балтийском флоте, командовал в начале германской войны крейсером «Александр III», а затем, по предложению Колчак, был переведен на Черноморский флот. Семья дяди уцелела во время революционных событий, когда в Севастополе шло убийство офицеров. С уведением в Бизерту Врангелем русским флотом ушли и Лазаревы — адмирал и его сын Максим. Ныне род Лазаревых пресекается — никого по мужской линии не осталось.

Мне тоже предназначалось быть отрядным в морской кадетский корпус, наравне с другими двоюродными и троюродными братьями, но я не подошел по зрению — близорук с детства. И учился в я Генишевском училище, в те годы модном в Петербурге.

бурге. Сидел за одной партией с Вл. Набоковым.

— Вы учились в одном из наиболее прогрессивных средних учебных заведений Петербурга, имеее разностороннее образование, в совершенстве владеете французским. Как вы относитесь к тому, что сейчас, наряду с обычными школами, появляются лицеи, гимназии, открываются школы гувернеров?

— Человеку моего поколения в диковинку слышать о возвращении к давно упраздненным и преданным анафеме учебным заведениям старорежимного образца. Семьдесят с лишком лет трубили о прогнившем дворянстве, о порочности прежнего устройства общества, поносили прежние методы воспитания, и вдруг... из сундуков вытаскивается нечто из его наследия, отрывается нафталин и — выдается за орудие обновления. Сомневаюсь, чтобы такое обращение к прошлому, в сущности — формальное (разве дело в том, чтобы нынешнего воспитателя назвать по-старинному гувернером?), могло бы оправдать от отрицательных современных влияний.

Нельзя отрицать, что общество наше зашло в тупик, что, отрицая капиталистические порядки и пытаясь строить жизнь по новым образцам, мы научились пользоваться податками западных толстосумов, окрестив их для благозвучия «гуманистической помощью»!

«милосердие», «сострадание». Это хорошо, хотя в короткие сроки невозможно привить то, от чего отказывались десятилетиями. Неважно — как назовут учебное заведение для детей и подростков: важно, чему там будут учить. Если снова ненавидят к состоятельным людям, нетерпимости к вере, к церкви, то мы никуда не сдвинемся. И можно даже ожидать откат к худшему.

— Сейчас отношение к вере как будто изменилось: официально отмечаются церковные праздники, с телеэкрана звучат проповеди, по телевидению показывают службы, церкви стали возвращать церковные помещения, и они — отреставрированные — не пустуют. Видите ли вы в этом путь к духовному возрождению?

— Мне это напоминает популярный в нашем обиходе правительственные кампании. Обращение к Богу должно быть естественным, из-за душевной потребности. А сейчас это, к сожалению; какое-то веяние и даже — мода. Почему преследовалась вера? Потому что легче управлять людьми, которые в своем поведении не руководствуются христианскими принципами. Ведь если о человеке будут судить по его нравственным качествам и достоинствам, то многим высшим чинам, не разделяющим человеколюбивых чувств, пришлось бы покинуть обжитые крес-

лали взносы, на которые — и весьма безбедно — содержались приюты и богадельни. Для большевиков это был повод уличить жертвователей в лицемерии: они-де этими взносами откупались от вопиющей бедности пролетариев! Надо ли говорить — при каких порядках живется легче обездоленным? Но мы — при нынешней системе — никогда не расстанемся с привычкой сулить журавля в небе, не утешив и синицей!

— Наша жизнь настолько политизирована, что в беседе с писателем почти не говоришь о литературе, как нет о ней речи и на писательских форумах. Вернемся к вашей литературной деятельности. Вы — один из тех, кто открыл для читателей ГУЛАГ. Что вы можете сказать о произведениях на лагерную тему, которыми журналы сейчас широко открыли свои страницы?

— Таких произведений в самом деле печатается много, и это обязывает авторов, причастных к этой теме, находить новые пути и факты, убеждающие аргументы, избегать поверхностного толкования гулаговского кошмара. Голое разоблачение не принесет пользы. Нужны анализ и поиск причин, предпосылок, сделавших возможным появление в XX веке в стране, принадлежащей цивилизованному миру, рабского труда, развернутого в таких масштабах!

И в самом деле — бесправия и произвола мы натерпелись досыта. Задумаемся: как приступить теперь к внушению народу сознания совершенного над ним насилия, открыть ему глаза на чудовищность правителей, годами разрабатывавших технику принудительного труда под аккомпанемент клятв в верном служении трудящимся массам? Литераторы призваны быть в первых рядах тех, кто должен внушить людям самоуважение, отрицание насилия и высокое чувство человеческого достоинства, распотанного палачами!

Миссия литераторов в чем-то сходна с миссией церковных служителей. Справедливо сказано: «Без Бога — ни до порога!». Без высокого идеала, без представления о вечных гуманных истинах трудно, если не невозможно, исцелить общество. Мы натерпелись. Знаем, что такое голод и ожидание очереди на жилплощадь, однако важнее всего перечисленного возвращение людям сознания своего долга перед обществом, своими ближними! Возродить в людях понятия о совестливости, верности, честности...

— Олег Васильевич, вы старый москвич, хорошо знаете не только настоящее нашего города, но и его прошлое, написали об этом несколько книг, множество статей и очерков. Как вы оцениваете, чем сейчас дышит Москва и в прямом, и в переносном смысле? И что бы хотели пожелать городу?

— Я не совсем москвич: по рождению — петербуржец. В Москву впервые приехал в 19-м или 20-м году и понемногу пустил корни. С тех пор много воды утекло под московскими мостами, я этот город полюбил и сделался я москвичом. Я принимал участие в создании Общества охраны памятников и отдал ему немало времени и сил. Старые памятники архитектуры — это, главным образом, церкви. Это осложняло деятельность общества. Сейчас взгляд на архитектурное наследие стал культурнее, однако до благополучия еще очень и очень далеко. Должны помочь делу и передача религиозных зданий церкви, разрешение отреставрировать храмы отдавать верующим.

Идет сбор средств на восстановление взорванного храма Христа Спасителя. Нелегко поверить в осуществимость этого патристического начинания. Вряд ли можно и приблизительно указать, когда к нему приступят... Пока же за каждый как будто бы защищенный постановлением памятник приходится воевать. Я сейчас не пишу об архитектурных и исторических памятниках Москвы — временно, конечно, просто устав от неверия в силу письменных аргументов... И все-таки опускать руки не надо, следует бороться за каждое старое здание, бульвар, как мы боролась и боремся за Лосинный остров.

Вы упомянули о том, как и чем дышат москвичи? Но народ они терпеливы, да и привычный: вот отменили нынешней зимой очистку улиц от снега, перестали посыпать тротуары песком, и ничего — приспособились, месьят снег, спотыкаются на льдинах, притерпелись, а ныне и весна не за горами: перезимовали — и слава Богу! Теперь солнышко все уладит! Трудовато приходится зелени: больно горючее плохой очистки. Да и зеленый пояс вокруг столицы уничтожается по-прежнему.

Но и тут лишь одно из проявлений глобального проблем столы, требующих разрешения: Москва перенаселена, не в состоянии вместить нагузки столицы СССР и РСФСР, индустриального, транспортного и научного центра огромной страны, город задыхается и нуждается в облегчении взваленной на него ноши. Москва превращается в мегаполис, где человеку трудно существовать нормальной жизнью. По примеру США и некоторых других стран придется и нам выделить административный центр СССР от делового, рассредоточить транспортные нагрузки, покончить с перенаселенностью. Словом — предупредить возникшую впереди угрозу паралича столицы...

Беседа велa Людмила ФОМИНА.

Наш собеседник — Олег ВОЛКОВ



Предлагая нашим читателям беседу с патриархом отечественной словесности О. В. Волковым, мы знаем, что некоторые оценки, высказанные писателем, вызовут несогласие, а то и протест у многих наших читателей. У нас тоже иной, отличный, даже диаметрально противоположный взгляд на роль Октября в истории страны, на то, каким путем идти России дальше, как развиваться Москве. Однако мы полагаем, что было бы несправедливым, представляя на страницах нашей газеты разнообразные мнения москвичей, не выслушать человека, умудренного знаниями и уникальным жизненным опытом.

Легче ли станет оттого, что мы перекрестим школы в гимназии или «реальные училища» — заменой вывески делу не поможем. Пора честно признать порочность наших концепций, наших теоретических схем! Живить ли время на попытки оживления обманувших доктрин? Менять надо все кардинально! Более пользы будет от изучения опыта цивилизованного мира на том же поприще народного образования. Да и системы хозяйничанья, управления. Не копировать, а изучать опыт и перенимать оправдавшийся, отбросив навсегда ярлыки «буржуазный», «капиталистический». Мы отдали достаточную дань экспериментированию под флагом «передового учения»!

— Ваши товарищи по «писательскому цеху», выдвигавшие вас в руководящие органы Союза писателей РСФСР, категорически возражают против того, чтобы мы смотрели на Запад. По их мнению, оттуда идут только разврат и бездуховность.

— Русские издавна держали связь с Востоком и Западом, не теряя при этом своей самобытности. Позорно русскому человеку ходить с протянутой рукой, как это делается сейчас. Но не позорно учиться тому, что позволяет сделать труд более продуктивным, выбраться из нищенского существования.

Литераторам же следует, как мне кажется, более заботиться о проблемах культуры, речи, слова... На последнем съезде российских писателей я все ждал, когда наконец о них заговорят. Но не дождался. «Мастера пера» ударяются в высокую политику, выясняют отношения, борются за кресло. Это, вероятно, говорит о некоем тупике, в котором оказались люди с писательским призванием.

— Многие наши беды — от недостатка воспитания. Вы с женой воспитали дочь, так что родительский опыт у вас есть. С чего, на ваш взгляд, надо начинать воспитание?

— Я считаю, что ребенку с самого малого возраста надо внушать нормы нравственности. Не так важны положительные знания по тому или иному предмету, как важны общие моральные принципы, которые должны стать основой поведения. Надо, чтобы человек знал с самых малых лет, что такое честь, достоинство, как бесперспективно в своих поступках руководствоваться лишь тем, попадешься или нет, последует ли наказание или дурной поступок останется безнаказанным. Необходимо, думается, внушить ребенку, что он живет в окружении таких же людей, как и он сам, и надо дружелюбно относиться к соседу, считать недостойным обмануть кого-то, воспользоваться чужей то оплошностью, чтобы на пользу.

Долгие годы подрастающему поколению внушали, чтобы оно свое поведение строило на основе классовой ненависти, что «товарищ Маузер» вправе быть высшим судьей во всех вопиющих. Ныне опять вспомнили сло-

ла и уступить место тем, кому не чужды любовь к ближнему, сострадание к слабому, кто не будет тянуть из государственного кармана, проливать кровь, ибо это противоречит христианской морали. И если сейчас административная система «допустила» людей в церкви, позволила «свободу совести», то, боюсь, это лишь потому, что вера ей сейчас не страшна: у большинства она изжита из душ и осталась лишь в обрядах.

— Многие политики, журналисты пытаются провести аналогию между нашей действительностью и какими-то прошлыми периодами истории. Можете ли вы сказать, что история в чем-то повторяется?

— Я действительно помню три революции, хотя первую — 1905 года — лишь эпизодически: в Петербурге не было света, воды; улицы патрулировали казаки разьезды. Конечно, германская война обнаружила, что самодержавный строй обветшал, уже не отвечает потребностям времени, и необходимо обновление. Об этом и думалось, когда созывалось Учредительное собрание, которое, к сожалению, после Октябрьской революции было разогнано. То, о чем думали и что планировали либеральные партии, не осуществилось.

В истории вряд ли что повторяется буквально. Но многое в нынешней обстановке напоминает мне последние месяцы правления в дореволюционной России, когда власти растерялись, в Государственной думе шли бурные заседания, тянулась бесконечная «министерская чехарда». Вряд ли можно пожелать повторения финала 1917 года. Попытки все перекроить в России, завести порядки на новый, невыводимый лад принесли народу одни беды. Реки крови...

Что, особенно угнетает: нет надежных путеводных огней, идеалов, к которым бы надлежало стремиться. Сколько горлачили о классовой солидарности, равенстве, правах трудового народа, а пришли — к бесправию, национальной розни, разливу преступности. Равенства так никогда и не было. Привилегии, власть имущим даже расширились и утвердились.

Сейчас государственные мужи сулят в жесткие сроки вернуть народу благосостояние. Но пока что только объявляют, сулят, расписывают, однако — только на словах! И это длится... лучше не напомулять, не огорчать! Нужды нет, что никто в сущности не знает: а что такое социализм? И, страшась нового, бояться расстаться с обломками утопических и убийственных построений.

Говорят: «Вы толкаете страну на рельсы капитализма». И в добрый час, скажем мы! Знаний у нас нет... Высокий дружелюбный уровень общества им, во всяком случае, обеспечивается.

Помню, в дореволюционные времена нас, детей, водили по праздникам в приюты, причуя к разбавам об обездоленных. Мы задавали подарки, взрослые де-